

УДК 82.0

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-4-640-650

Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации

Меринов В.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. В научный оборот вводится понятие «идеология ограниченной субъектности», даются общие параметры этой идеологии в контексте известных социально-политических и социально-психологических понятий. На примере публикаций современных российских авторов сделана попытка показать, каким образом идеология ограниченной субъектности реализует себя в текстах, посвященных вопросам искусства. В частности, выявлена роль категории долженствования, патерналистского (заботливого и всемогущего) государства, морального подхода к интерпретации художественного произведения и фигуре его автора, морального долга перед коллективным или абстрактным Целым, конструирования конфликта великого прошлого и деградирующего, хаотического настоящего, приоритета коллективной идентичности над индивидуальной как структуры подчинения индивидуальной воли (ограничения самостоятельного выбора) коллективным целям. Сделано предположение, что идеология ограниченного выбора реализует себя через апологию художественного направления классического реализма (в котором актуализируются черты замкнутости, сосредоточенности на «своем», этноцентризм и т.п.). Автор полагает, что возможно одним из самых действенных инструментов внедрения идеологии ограниченной субъектности является обращение авторов к искусству социалистического реализма, в рамках которого большое значение обретает одобрение ими деятельности больших и малых тотальных коллективов (от государства до трудового коллектива), а также утверждается концепция коллективной личности, полностью реализующей свой потенциал внутри тотальных коллективов и представленных обстоятельств как образцовой, эталона социально-политического поведения.

Ключевые слова: российская публицистика, дискурс, идеология, критический дискурс-анализ, современное искусство, культурная проблематика в российской публицистике

Для цитирования: Меринов В.Ю. 2022. Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 41(4): 640–650. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-640-650

The Ideology of Limited Subjectivity in Writings of Modern Russian Publicists: Essence and Methods of Implementation

Valery Y. Merinov

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract. The article introduces the concept of “ideology of limited subjectness” into scientific circulation, gives the general parameters of this ideology, in the context of well-known socio-political and socio-psychological concepts. On the example of the publications of contemporary Russian authors, an

attempt is made to show how the ideology of limited subjectivity realizes itself in texts devoted to issues of art. In particular, the role of the category of obligation, the paternalistic (caring and omnipotent) state, the moral approach to the interpretation of a work of art and the figure of its author, the moral duty to the collective or abstract Whole, the construction of the conflict of the great past and the degrading, chaotic present, the priority of collective identity over individual, as structures for the subordination of individual will (restriction of independent choice) to collective goals. In addition, it has been suggested that the ideology of limited choice realizes itself through an apology for the artistic direction of classical realism (in which the features of isolation, focus on "one's own", ethnocentrism, etc. are actualized). In addition, the author believes that perhaps one of the most effective tools for introducing the ideology of limited subjectivity is the authors' appeal to the art of socialist realism, within which their approval of the activities of large and small total collectives (from the state to the labor collective) is of great importance, as well as the concept of a collective personality is affirmed, fully realizing its potential within total collectives and the circumstances presented as an exemplary, standard of socio-political behavior.

Key words: Russian journalism, discourse, ideology, critical discourse analysis, contemporary art, cultural issues in Russian journalism

For citation: Merinov V.Y. 2022. The Ideology of Limited Subjectivity in Writings of Modern Russian Publicists: Essence and Methods of Implementation. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41(4): 640–650 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-640-650

Философско-методологические основания работы

Публицистика как конструкт и дискурс

Размышления об искусстве в силу своей специфичности, когда по сути разговор идет о сфере ценностей и эстетических предпочтений, зачастую носят эмоциональный и субъективный характер и отражают не столько существующее положение дел в культуре, сколько картину мира самого публициста, тем более что тема культуры традиционно является удобным предлогом для выхода к более широким обобщениям, то есть к социально-политической и моральной проблематике. Авторы расставляют приоритеты, привлекают внимание к явлениям, событиям, героям, акцентируют, интерпретируют одобряют или напротив осуждают согласно своим взглядам (идеологии), имеющим, по нашему мнению, более или менее системный характер. Именно поэтому тексты целесообразно рассматривать в контексте дискурсологии. Как известно, под дискурсом понимается текст как способ видения (проектирования) мира, обладающий внутренним единством (М. Фуко), в котором актуализированы (проступают в открытом и скрытом виде) отношения неравенства, подчинения, дискриминации, превосходства и т.п., отражающие моральные и политические (идеологические) ориентации автора. Особый интерес исследователь дискурса проявляет «...к критическому изучению социальных проблем, социального неравенства, доминирования и прочих релевантных феноменов в целом, а также роли дискурса, языковых практик и коммуникации в их реализации в частности» [Дейк ван Тён, 2013, с. 23].

Понятие «идеология»

Идеология – один наиболее сложных теоретических концептов. Самое общее определение идеологии как формы общественного сознания звучит следующим образом: «Идеология (греч. *ιδεολογία*; от *ιδέα* "прообраз, идея" и *λόγος* "слово, разум, учение") – система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений); идеология и форма общественного сознания – составные части культуры, духовного производства» [Семигин, 2010, с. 81].

Существует значительное количество и других подходов к этому понятию и определению его природы. Среди основных выделяют, к примеру, марксистскую традицию,

включающую собственно марксову точку зрения (идеология как «ложное сознание», «превращенная форма сознания» враждебная рабочему классу (К. Маркс, Ф. Энгельс), а также продолжение марксистской критической парадигмы в социологическом подходе (Э. Дюркгейм, Т. Гейгер). Через критику «тотальной» идеологии рассматривает идеологию М. Хоркхаймер (идеология как тип социального действия), Т. Адорно). В критическом постмарксизме (К. Манхейм) идеология рассматривается как апология господствующим классом существующего политического строя, противостоящая утопиям неимущих классов, а М. Шеллер в контексте социологии знания называет идеологиями способы рационализации витальных влечений различных классов.

Развитие марксистской линии происходит в версии идеологии как инструмента революции (идеология как проекция классового сознания, марксизм обретает черты «научной идеологии» (В.И. Ленин), формы классового сознания, выражающей чаяния и надежды угнетенных (Г. Лукач, Э. Блох, К. Корш и др.). В неомарксизме XX века идеология раскрывается через термин «культурная гегемония» (А. Грамши), в структуралистском марксизме идеология заявляет себя как проявление структур бессознательного (Л. Альтюссер).

В рамках структурно-психологического подхода (Э. Лакло, Ш. Муфф) было предложено посмотреть на идеологию как на «фантазматическую конструкцию», «иллюзию», служащую опорой для «действительности», своего рода маскировки «невыносимой» реальности (способ «бегства» от неё) или, напротив, как средство укрытия (С. Жижек). Кроме перечисленных точек зрения можно добавить – семиотический (М.М. Бахтин), ценностный, мифологический (Р. Барт (постструктурализм)) подходы.

Наиболее подходящим в контексте нашего исследования является дискурсный подход: идеология как средство манипуляции в дискурсе (Серио, Т. ван Дейк и др.). В нашей версии идеология – это система представлений о наилучшем политическом устройстве общества, понимание человека (концепция человека), его природы, а также того, что способствует сохранению его человечности (в рамках отношений человек – государство, человек – общество, степень его автономности (зависимости) от макросоциальных структур, тип социальной активности, свойства личности и т.п.). Идеология явно или имплицитно может быть представлена в различных дискурсах. Наиболее откровенно она проявляет себя в политическом дискурсе, социально-политической публицистике. В других видах публицистического высказывания, к примеру, с культурной проблематикой, идеология может существовать и в не столь открытом виде.

Идеология ограниченной субъектности: основные параметры

В самом общем виде мы могли бы определить суть идеологии ограниченной субъектности следующим образом: это ряд взаимосвязанных идей, принципов, представлений социально-политического и социально-психологического характера, в основе которых находится убеждение в необходимости зависимости, контроля и ограничения частного человека (его желаний и воли, т. е. субъектности, права самостоятельного выбора своей судьбы вне связи с коллективной волей (целью)) со стороны больших структур (государства, нации и т.д.). Речь идет о двух базовых принципах, заложенных в её основание: принципа недоверия отдельному, частному человеку, предоставленному самому себе, и доверия иерархическими структурам: Государству всеобщего блага и справедливости и его всемогущему правительству, встроенным в большое Целое тотальным коллективам, сакрализованным сущностям (прошлому, традиции, религии, общему делу) и т.д.

Более подробно мы смогли бы представить идеологию ограниченного выбора как состоящую из двух крупных ментальных блоков, макро и микроструктурного.

1. Макроструктурный блок – это представления об обществе и государстве (коллективы). В него входят:

а) представление об общественном порядке как создаваемом сверху, организованном из одного центра;

б) иерархическое общество. Представление об иерархии как важнейшем принципе устройства общества и государства. Высокая степень дифференциации общества, разделение на управляющих и управляемых;

в) монополизация власти. Строгая вертикаль власти во главе с «сильным» лидером, решительное управление, закрытость власти от контроля со стороны «низа»;

г) стирание границ между государством и обществом (поглощение второго первым);

д) этатизм. Государственный патернализм. Всемогущее государство (правительство), имеющее возможность по своему усмотрению распределять ресурсы и регулировать большинство сторон жизни общества и человека, включая его личную и духовную жизнь, сферу желаний;

е) замкнутое, сплоченное, монолитное, однородное, конфронтационное общество;

ж) широкое распространение дисциплинарных групп (авторитарных (милитарных) коллективов, организаций) как основного типа организации обществ, первичность (приоритет) коллектива по отношению к человеку. Коллектив (Целое) как носитель «правильных» ценностей;

з) неприятие автономности как способа существования институтов, организаций и человека.

Представленные характеристики общества коррелируют с такими научными понятиями, как «азиатский способ производства» (К. Маркс, Ф. Энгельс), «относительно однородное традиционное (вариант – военное) общество» (Г. Спенсер), «закрытое общество» (К. Поппер, Дж. Сорос), «тоталитарное общество» (государство, порядок) (З. Бжезинский, Фридрих, У. Эко, Х. Арндт и др.), «коллективистское» общество (У. Блюм), «общество ограниченного доступа // «естественное государство» (Д. Норт), «деспотическое восточное общество, тотальная власть» (К. Виттфогель), «моноархия» («монархия») (Р. Даль), «негражданское общество», «всемогущее правительство, тотальное государство» (государство) (Л. фон Мизес), «государство социалистического типа» (Ф. фон Хайек, Р. Кунбедду), общество, тяготеющее к «коллективистскому» социальному полюсу (А.А. Ивин), «культура 2» («вертикальная социокультурная парадигма») (В. Паперный), общество с доминантой «институциональной матрицы X» (С.Г. Кирдина) и др.

2. Микроструктурный блок – представления о природе человека, его месте и роли в обществе, а также о способах сохранения человечности.

Исходит из базового принципа недоверия к человеку, так как считает, что его природа стихийна, слаба, а разум уязвим (подвержен влияниям, манипуляциям, легковверен). Он почти неспособен самостоятельно противостоять искушениям (прежде всего собственным страстям, порокам, слабостям, грехам), поэтому нуждается во внутреннем самоконтроле, но особенно во внешнем контроле, снижении степени автономии личности, некоем направляющем начале, ограничивающем его в самостоятельном выборе (субъектности), сдерживающем его личные потребности. Эту роль должно выполнять всемогущее государство и авторитарные коллективы, в которые человек должен быть встроены.

Ведущими качествами человека должны быть склонность к подавлению личных потребностей, верность, терпеливость, дисциплина, соблюдение субординации, привычка к подчинению (послушанию) общим (групповым) правилам и авторитету (твердой власти), терпимость к запретам, внутрисистемному насилию и принуждению (давлению), превосходство групповой идентичности над личностной, конформность, политическая пассивность, нетерпимость к неопределённости, вера в спасительность иерархий, открытость («прозрачность») перед властью, недоверие к «чужому» (мир как угроза), склонность к выстраиванию непреодолимых границ между «своими» и «чужими», уверенность в собственной (групповой) особости, исключительности и т.п.

Перечисленные нами качества личности близки к следующим научным социально-политическим и социально-психологическим концептам: «авторитарная личность» (Э. Френкель-Брюнстик, Д. Левинсон, Р. Невитт Сэнфорд, Т. Адорно, Р. Альтемайер), «догматическая личность» (М. Рокич), «авторитарный характер» (Э. Фромм), «авторитарное мышление», «выученная (заученная) беспомощность» (М. Селигмен), «советский простой человек» (Ю. Левада, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая и др.) «подданническая политическая культура» (Г. Алмонд, С. Верба), «культура выживания» (Р. Инглхарт), «культура полезности» (А.Г. Асмолов, Э.Л. Панеях), «системоцентричный тип общественного сознания» (А.В. Оболонский), «культурный архетип вручения себя» власти, «психотип воинника» (Ю.М. Лотман), «антикапиталистическая ментальность» (Л. фон Мизес) и т.д.

Каковы способы имплементации идеологии ограниченного выбора в публицистическом тексте? Мы определили ряд таких приемов: категория долженствования, трактовка функций государства как патерналистского, морализация эстетического анализа, концепция искусства и творчества как служения коллективному Целому, противопоставление идеализированного упорядоченного искусства прошлого хаотическому настоящему, приоритет коллективной идентичности перед индивидуальной, отбор художественных направлений (фольклора, классического реализма XIX столетия, соцреализма), в рамках которых проявлялся повышенный интерес к коллективной идентичности, проблеме различий и коллективной особенности (исключительности), а также выстраивалась концепция коллективной личности как эталонов искусства.

Категория долженствования как структурообразующая

Взгляд на мир через призму подчинения личности общим обязанностям, долгу, моральному императиву как способ навязывания идеологии ограниченного выбора, побуждения к ограничению собственной субъектности обязательствами перед моральными абсолютами.

Справедливое и заботливое (патерналистское) государство в области культуры

Государство должно брать на себя максимально широкие функции в отношении общества и человека – функции наставника, покровителя, опекуна, финансиста, контролера и т.п. В рассматриваемом контексте речь идет об отношениях государство – художник (творец), государство – произведение искусства, государство – потребитель искусства.

С точки зрения идеологии ограниченного выбора, в культурной (и не только) сфере именно советское государство представляет собой некий идеал. Оно предстает одновременно в нескольких ипостасях:

а) в виде могучего социального трамплина, помогая писателю и веря в его лучшие помыслы: «Дети Арбата», благодаря тогдашней государственной мощи, вышли более чем миллионным тиражом в журнале «Дружба народов» [Сычева, 2004];

б) представляет собой едва ли не образцовый инструмент контроля над индивидуалистическими устремлениями и открывающимися вследствие этого возможностями бескорыстного служения отдельной личности коллективному Целому. Государство при этом играет ключевую и весьма положительную роль, оно ограждает творца от материального искушения, следит, ограничивает (социалистическое перераспределение ресурсов, государственное финансирование и т.п.), тем самым ставя барьеры на пути развития греховных эгоистических наклонностей и черт. Сама ситуация (социального равенства) будто подталкивает человека к отрешению от интересов материально-телесных к моральной чистоте, поэтому, к примеру, проблема конъюнктуры как бы отпадает сама собою: «Неужели В. Черных и тогда конъюнктурил?! Вполне возможно. А вот Евгений Матвеев – нет. И Петр Проскурин – тоже» [Сычева, 2005];

в) в виде главного учителя и наставника подданных в области морали и художественного вкуса: «У нас была советская власть, следила за "вкусом". Давала неплохое образование... внешние советские скрепы» [Сычева, 2005].

Обоснование идеи морального долга перед высоконравственным Целым (моральный императив)

Моральный подход к анализу культурных явлений как способ контроля и сужения выбора. Моральный дуализм как предпосылка стратегии эксклюзии

Одним из способов инвазии идеологии ограниченной субъектности в сознание читателя является рассмотрение эстетических феноменов через призму морального взгляда, когда происходит смешение и по сути замещение эстетического анализа моральным суждением. В этом случае культурный феномен ранжируется, вставляется в этическую систему координат, на высшей ступени которой расположены морально безупречные (приемлемые, высоконравственные) феномены (авторы, направления, тексты), а низшую занимают аморальные, безнравственные, разлагающие общество, ведущие к его порче. Разделение культурных явлений на «чистые» (достойные, морально безупречные) и «нечистые» (порочные, в конечном счете антиобщественные) позволяет отсекалть «лишнее» искусство как приносящее вред, в перспективе могущие трактоваться как явления морально-социальной девиации (нуждающиеся в осуждении, исправлении, изоляции, исключении), тем самым сужая самостоятельный выбор читателя.

Так, в произведениях отдельных современных российских публицистов отчетливо проявляется разведение культурных феноменов (миров) по разным эстетическим полюсам. Природа этих феноменов, по мнению авторов, раскрывается через обнаружение их связи с сущностными моральными структурами, представляющими собой их подоплеку (глубинное основание). Морально безупречной объявляется литература, в которой большое значение придается вопросам групповой идентичности, коллективной индивидуальности, особенности, литературе различий и границ между большими сообществами (народами, цивилизациями, культурами и т.п.) и в то же время повышенное внимание уделяется внутренней сплоченности, замыканию героя в пределы «своего» коллективного Целого, его готовности (не готовности) раствориться во всеобщей воле и судьбе.

Обязанность художника

Назначение и роль искусства как морального поступка. Концепция творчества и фигуры творца

Идеология ограниченного выбора проявляет себя в вопросе назначения и роли искусства, в рамках которой публицист исходит из представлений о том, что художник должен служить не столько своему таланту, собственным представлениям о жизни, а кому-то (чему-то), что расположено вне его, за пределами его личных интересов, увлечений, внимания. Эта моральная коллективная или абстрактная сущность: Бог, религия, государство, природа, народ, нация, Родина, история, великие государственные деятели и герои, традиции, достижения (победы) и т.п. – наделяется моральной сверхценностью (сакральностью, как высшее благо, Добро), перед которыми художник должен испытывать душевный трепет, преклонение, благоговение, рискуя в противном случае перейти на сторону Зла. Так, Л.А. Сычева полагает, что у искусства есть высокое назначение. Оно есть «...проводник между Богом и людьми» [Сычева, 2019]. Само это служение подается как миссия, высокая обязанность, священный долг перед этой сущностью. Он должен стать голосом этой сущности. К примеру, искусство, погружаясь в народную жизнь, должно отражать национальную культуру, особенности, природу, душу народа, то есть выступать голосом коллективного Целого – народа. Произведение, таким образом, становится проверкой автора на моральную чистоту.

Дидактизм, антигедонизм

Будучи лучшими представителями народа, художники должны взять на себя миссию его морального воспитания, возвышать, исправлять, вести за собой, учить любить и поклоняться сакрализованным сущностям. Предпочтение отдается «серьезному», «идеоло-

гически насыщенному искусству. Развлекательная функция искусства осуждается как гедонистическая или игнорируется.

Идеализированное упрощенное прошлое против сложного настоящего. Создание упрощенных конструкторов-эталонов

Важным аспектом идеологии ограниченного выбора становится противопоставление прошлого и настоящего. Прошлое радикально превосходит настоящее и в эстетическом, и в моральном планах. Прошлое обладает притягательностью в силу неоспоримости своего вклада в культуру: «Великие писатели прошлого – заслуженные гении человечества. Они скрепляли пространство и время, описывали мир во всём его многообразии, размышляли о Боге и не забывали о «маленьком человеке». На страницах книг звучала музыка горних сфер и оживали картины величественных битв...» [Сычева, 2010]. Мастерам прошлого удалось описать и «...героизм высоких натур, и нравственное падение отдельных личностей, и национальный характер целых народов» [Сычева, 2010]. Весьма характерны для идеологии ограничения особенности конструирования прошлого: в прошлое, так сказать, для предъявления потомкам, входят только отобранные публицистом признанные шедевры искусства, поэтому выглядит оно чрезвычайно респектабельно, упорядоченно, величественно, целостно, непротиворечиво, прошлое населяют титаны искусства, представляя собой культурный эталон. В прошлом царствует «слово», создана целая «словесная цивилизация», сложная, насыщенная смыслами: «Конечно, и на заре цивилизаций цифра шла рядом, и всё же главным было слово. Религия и литература, философия и политика – все эти сферы, имели, прежде всего, словесные выражения. Удивительная пластичность, выразительность слова, его способность создавать и архивировать простые и сложные образы, "самовосстанавливающиеся" у читателя или слушателя, вознесла творцов художественных произведений на духовный Олимп» [Сычева, 2010].

В то же время настоящее, представляя собой сложный, разнообразный, неоднозначный, живой, противоречивый феномен, обесценивается по обеим шкалам, как время деградации, корысти, обмана, беспамятства, торжества циников (моральное измерение), извращенцев, бездарностей и т.д. (эстетическое). Настоящее – время забвения «слова», заката «цивилизации слова» и становление «цивилизации цифры» – пошлого, бесталанного симулякра искусства, крушения былой эпичности, величественности, единства, цельности и т.д.

Коллективная идентичность (автора и героя) против индивидуальной

Ещё одним способом реализации идеологии ограниченного выбора является трактовка человека только как представителя (части) коллектива, практически полное подавление коллективной идентичностью идентичности индивидуальной. Человек важен и ценен только в своей соотнесённости с Целым. Под Целым, как правило, подразумевается локальная общность носителей идеальных черт («цивилизационных», национальных, этнических, идейных, религиозных, культурно-языковых), выступающих маркерами «своих». С этой точки зрения, в прошлом выделяются три своего рода образцовых периода: первый – фольклорный (доисторический), второй – XIX век (классическая литература), и третий – XX столетие (советское искусство).

Реализм XIX века как эталонный художественный метод (художественное направление)

Фольклорный период отличает высокая этническая отмеченность, укорененность в «почву», народную жизнь. Эти же принципы ложатся в основу отбора следующего исторического периода. Наиболее широко в качестве синкретического, морально-эстетического идеала представлено искусство (точнее, художественная литература) русского реализма XIX века (Достоевский, Тютчев, Пушкин, Гоголь и др.). Только оно объявляется достойным, глубоким, единственно способным отразить всю сложность мира,

быть выразителем коллективного «мы», выполняя тем самым миссию, задачу искусства. Если уж они берутся за что-нибудь (к примеру, критику бюрократии), то это у них получается точно, жизненно, достоверно и имеет непреходящее значение. Даже на столь блестящем фоне абсолютным культурным эталоном выступает родоначальник образцового стиливого тренда классического художественного комплекса – А.С. Пушкин. Его достоинства неоспоримы (относительная простота и сдержанность языка, гармоничность т.д.) и допускают к себе только «...благоговейное отношение» [Сычева, 2018]. Реализм XIX столетия оказался ценен своей идеологичностью, дидактизмом, ясно выраженной позицией автора, невысоким уровнем формальных поисков (традиционностью). Еще более важными оказались следующие черты: жизнеподобие, этноцентризм, сосредоточенность на «своем», глубокая погруженность в национальный быт, уклад, почву, поиски (конструирование) национальной идеи как этно-культурной, особенностей национального характера, отличий русской жизни и русского человека как национального типа от представителей других народов, являясь по сути продолжением национал-романтических европейских культурных и политических традиций, в особенности немецких, времен становления Великой Германии, закончившихся, как известно, созданием империи Бисмарка.

С.А. Есенин, В.М. Шукшин, Е. Матвеев и др. – апология этнической коллективной идентичности

Вполне естественно, что следующим эталоном в начале XX века становится С.А. Есенин, обращение к цитатам которого в работах Л.А. Сычевой носит регулярный характер. Есенин предстает в них как наиболее последовательный и талантливый апологет коллективной национальной идентичности (этим критериям соответствуют и сам автор, и его лирический герой), знаками которой выступают русская природа и русская душа. Другой привлекательной чертой его творчества, на наш взгляд, являются стиливые особенности есенинского языка, отличающегося широким включением национальных (разговорных, народных) лексических форм, искренность, открытость выражения эмоций и мысли, минимум формалистических изысканий в области синтаксиса, рифмы, размера стиха (внешняя традиционность, простота) и т.д.

Значимыми для авторов персонами XX века являются В.М. Шукшин и другие представители национально-ориентированной (почвеннического направления (писатели-деревенщики) литературы (к примеру, Проскурин). В этом случае литературное творчество находит свое органическое продолжение в жанре киносценария, а также кинопроизводства. Имена П. Проскурина и Е. Матвеева становятся образцами жанра исторической соцреалистической драмы, в центре которой – русский человек («...а когда-то зрители плакали над русским Ваней, сыном Захара Дерюгина, из кинофильма «Судьба» [Сычева, 2005], чья личная биография без остатка сливается с судьбой русского народа в советском государстве).

Соцреализм как эталонное направление в искусстве

Наиболее мощным проводником идеологии ограниченной субъектности в XX веке в культуре становится соцреализм. В публицистике Л.А. Сычевой соцреализм подается едва ли не как самый достойный, даже единственный наследник традиций классического критического реализма. Действительно, эстетика жизнеподобия, необходимая в пропаганде новых идей и ценностей «трудовым массам», оказалась весьма востребованной в советское время. Другими важными особенностями классического реализма, пришедшими ко двору в XX веке, оказалась его относительная простота (в смысле четкой выраженности авторской позиции), идеологичность – обращенность к политической проблематике и социальность, герой раскрывает себя в социальной жизни, в своей эпохе.

Еще одной важной чертой, способствовавшей, по нашему мнению, восприятию соцреализма в качестве источника идей ограниченной субъектности, стало соцреалисти-

ческое (шире – советское) мировидение, отличавшееся тягой к упрощению, в частности к построению бинарных смысловых конструкций, к раздвоению мира на конфронтационные зоны: сакрализованные и десакрализованные (профанные, демонические и т.п.). Так, советское время предстает уникальной эпохой, когда в «атеистической» стране художник (искусство в целом) обрел особый статус, равный положению церковного служителя, жреца. Так, по утверждению Л.А. Сычевой, литература «...соперничала с религией и даже частично заменяла её. Писатели создавали новые смыслы, выговаривали идеи, вели за собой, были полководцами в идеологических битвах» [Сычева, 2010]. Правда, не совсем понятно, каким это образом в условиях существования квазирелигиозной (попытки создания коммунистического «царства божия» на земле) государственной идеологии марксизма-ленинизма и жестких политико-идеологических ограничений им удавалось создавать эти «новые смыслы»? Вероятно, речь идет об идеях, сформированных в рамках коммунистической идеологической парадигмы. Однако основное здесь схвачено верно, соцреализм ознаменовал собой движение в сторону мировоззренческой и художественной архаизации, которую мы можем назвать радикальной, инфантильной или «карикатурной» реальностью [Меринов, 2016]. Её радикальность и состоит в свехупрощенной картине мира манихейского типа, распадении элементов на две противостоящие друг другу морально-политические (и эстетические) сферы, неприятию сложности, стремление к завершенности, однозначности, эксклюзии как художественной стратегии и т.д. Носителями положительного начала выступали изоморфные сущности: советское государство, правительство, коммунистическая партия, советский народ, советский человек. Так в соцреализме не просто нашла своё продолжение линия на конструирование особого культурного пространства «своих», но обрела квазирелигиозный неопитский пафос, подталкивающий к идеям групповой исключительности.

Эталон социального поведения, герой ограниченной субъектности

Главным же достоинством соцреализма, сближающим его с литературой XIX века, кроме классической реалистической эстетики (жизнеподобия), идеологичности и социальности, стал его жизнеутверждающий пафос, ориентировка на положительного героя. Однако при всей внешней близости соцреализм в картине советского настоящего почти отказался от персонажей, являвшихся основой художественного миропонимания от сентиментализма до классического реализма. Вместо «маленького человека», героя-бунтаря и героя-изгоя соцреалистическая эстетика предложила обществу в качестве образца единственный социальный тип человека – человека с ярко выраженной коллективной идентичностью – человека коллективного, человека советского, человека государственного, героя номенклатурного типа; специалиста, встроенного в профессиональные иерархические коллективы, а через них – в большой механизм всеильного государства; персонажа, равного месту своего назначения (начальника, председателя колхоза, ученого, офицера и рядовых: солдата, колхозника, рабочего и т.д.), исполняющего свой гражданский долг, совершающий трудовой или боевой подвиг (его жертвенная ипостась): «Артиста Василия Ланового, много сделавшего для фестиваля, любят и за образ офицера, воплощенный в кино, и за благоговейное отношение к стихам Пушкина» [Сычева, 2018].

Эталоном социального поведения является герой, реализующий себя в пространстве ограниченного выбора. Человек (герой произведения и автора) ослабленный, бедный, лишенный собственности и других ресурсов (включая интеллектуальные, к примеру, доступ к современному социально-гуманитарному знанию, мировым культурным достижениям), ограниченный в праве передвижения, полностью зависимый (на содержании) от государства, рассматривается преимущественно через моральные дискурсы социальной компен-

сации: жертвенно-героический, патриотический, аскетический, коллективистский, а также дискурсы сознательного выбора, долга, ответственности и т.п.

Заключение

Мы кратко рассмотрели понятие «идеология ограниченной субъектности», опираясь на известные исследования в области политологии, социальной и политической психологии, определили её общие параметры. Кроме того, на примере публикаций современных российских авторов была сделана попытка показать, посредством каких структур идеология ограниченной субъектности реализует себя в текстах, посвященных вопросам искусства. Так, мы наметили в качестве значимых структур подчинения индивидуальной воли (ограничения самостоятельного выбора) коллективным целям такие, как категория должностования, подчеркивания положительной роли и самого типа патерналистского (заботливого и всесильного) государства, использование морального подхода к интерпретации художественного произведения и фигуре его автора, приоритет морального долга перед коллективным или абстрактным Целым и коллективной идентичности над индивидуальной, конструирование конфликта великого прошлого и деградирующего, хаотического настоящего.

Кроме того, сделано предположение, что идеология ограниченного выбора реализует себя через апологию художественного направления классического реализма (в котором актуализируются черты замкнутости, сосредоточенности на «своем», этноцентризм и т.п.).

Сделан вывод о том, что одним из самых действенных инструментов внедрения идеологии ограниченной субъектности является обращение публициста к соцреалистическому искусству, в рамках которого большое значение обретает одобрение деятельности больших и малых тотальных коллективов (от государства до трудового коллектива), а также утверждается концепция коллективной личности, полностью реализующей свой потенциал внутри тотальных коллективов и представленных исторических обстоятельств, как образцовой, эталона и единственной стратегии социально-политического поведения.

Список источников

- Семигин Г.Ю. 2010. Идеология. В кн.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том 2. Под ред. В.С. Стёпина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М., Мысль, С. 81–83.
- Сычева Л.А. 2004. Вожделения телеэлиты. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_2988.html (дата обращения: 01.11.2022).
- Сычева Л.А. 2005. В плену у биороботов. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_58.html (дата обращения: 05.11.2022).
- Сычева Л.А. 2010. Будущее художественного слова. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_3668.html (дата обращения: 06.11.2022).
- Сычева Л.А. 2018. Банкирский шик иль воинский гранит? Московский комсомолец, 2018, 25 августа, № 27766. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/journalism/journalism_8797.html (дата обращения: 07.11.2022).
- Сычева Л.А. 2019. Больше чем музыка. Молоко, 11. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика https://lsycheva.ru/books/culture/culture_9537.html (дата обращения: 08.11.2022).

Список литературы

- Дейк ван Тён А. 2013. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. М., Книжный дом «Либроком», 344 с. (Teun A. van Dijk. 2008. Discourse and Power. Macmillan Education UK, 308 p.).
- Меринов В.Ю. 2016. «Сквозь магический кристалл»: карикатура и карикатуризация реальности в советской центральной прессе 1920-х годов (на примере газеты «Правда»). Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2-4(10): 27–39. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-27-39.

References

- Deyk van Ten A. 2013. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. Transl. from english. E.A. Kozhemyakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova. M., Publ. Librokom, 344 p. (Teun A. van Dijk. 2008. *Discourse and Power*. Macmillan Education UK, 308 p.).
- Merinov V.Yu. 2016. «Through the magic crystal»: caricature and caricaturization of reality in the soviet central press in the 1920s (on the example of "Pravda"). *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2-4(10): 27–39 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-27-39.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.09.2022.

Поступила после рецензирования 14.11.2022.

Принята к публикации 10.12.2022.

Received September 10, 2022.

Revised November 14, 2022.

Accepted December 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriy Y. Merinov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.